

Перфектив как категория структуры текста

1. Термин **перфект** не общеупотребителен и не однозначен в русской лингвистике. Это наименование одной из форм прошедшего времени глагола в истории русского языка. Это, в паре с **имперфектом**, интернациональное именование совершенного и несовершенного вида глагола (СВ и НСВ) и – соответственно – **перфективации** и **имперфективации** как способов образования видовой пары, а также **перфектной** «разновидности типов употребления видов» в Грамматике – 80.

В.В. Виноградов в классической работе «О стиле “Пиковой дамы”» (1936 г.) применил этот термин к **текстовым** функциям глаголов, разграничив перфектную и аористную функции в СВ, процессуально-длительную и характеризующую в НСВ. Его проникновенный анализ языка пушкинской повести показал, что эти глагольные функции, соотношение которых организуется «образом автора», сменой его позиции, точек зрения рассказчика и персонажей, служат основным средством формирования пространственно-временного объема, композиционного строя текста.

Время подтвердило ключевую роль и перспективность этих понятий, закрепленных позже в его книге «Русский язык» (1947 г.), для анализа как художественного, так и любых других текстов. Эти идеи реализовались позже и в работах учеников В.В. Виноградова о языке и стиле произведений Пушкина, Карамзина, Крылова, Достоевского, Чехова и др.

Последующие труды В. В. Виноградова о языке художественной литературы и о синтаксическом строе русского языка укрепляли и развивали эту плодотворную теорию. Сформулировав признаки предикативности предложения как основной коммуникативной единицы (время, лицо, модальность) и показав многообразие русских моделей и разновидностей предложения, В.В. Виноградов заметил: «...категории времени и модальности, выражающие отношение сообщения к действительности, могут быть свойственны предложению в целом – независимо от наличия глагола» [Виноградов, 1950: 48].

Признание носителем предикативных характеристик не глагола как части речи, а предиката как коммуникативно-синтаксической категории подготовило в дальнейшем осмысление того, что

а) и носителями коммуникативно-текстовых функций являются предикаты, выраженные не только глаголами, но и другими средствами, иначе говоря, – что это **функции предикативных единиц**;

б) что эти текстовые функции свойственны не только предложениям, но и входящим в их состав так наз. **полупредикативным** конструктам, выражающим время, модальность и лицо не морфологически, а **таксисно**, относительно соседствующего предиката;

в) что предикативные (в том числе и полупредикативные) конструкции могут рассматриваться как минимальные **единицы текста**, а таксисные отношения между ними по линиям времени, модальности и лица (моно- / политемпоральность, моно- / полимодальность, моно- / полисубъектность) выявляют свою роль главного средства **внутритекстовых связей**, выстраивания всех частей текста и всей его композиции.

2. В.В. Виноградов неоднократно привлекал внимание к проблеме движения синтаксических форм в текстах разного типа, выявления не только языковых, но и речевых единиц и определения типовых композиционных их объединений.

Возможное решение этих задач было предложено в концепции коммуникативных типов (регистров) речи [Золотова 1982; Золотова и соавт. 1998], различающихся следующими признаками:

а) пространственно-временная позиция говорящего (пишущего) по отношению к происходящему, и – соответственно – сенсорный или ментальный способ восприятия;

б) динамически-темпоральная или статически-локальная доминанта текстового фрагмента;

в) коммуникативные интенции говорящего (сообщение, эмоциональная реакция на сообщаемое или происходящее, волеизъявление),

Выявлены следующие коммуникативные регистры:

1. **Репродуктивный** (изобразительный) – автор изображает происходящее, наблюдая его в хронотопе или мысленно как бы переносясь в его место и время: *Дубровский вскочил с кровати, схватил оружие и вышел из шалаша* (Пушкин); *От лип душистым медом тянет* (Фет);

2. **Информативный** – автор, дистанцированный от происходящего, сообщает об известном ему или осмысляемом: *В первой молодости моей я был мечтателем* (Лермонтов); *А все-таки она ему сестра* (Тургенев); *Он вообще жил очень замкнуто и дико* (Бунин);

3. **Генеритивный** – автор формулирует или цитирует мысль, обобщающую закономерности, выходящие за рамки текстового времени: *Волхвы не боятся могучих владык* (Пушкин); *За чем пошел, то и нашел* (Посл.).

Регистровые возможности обеспечивают говорящему способы представления событий в динамике или статике, как явлений конкретно-единичных – в актуальном времени, обычных, типичных, повторяющихся – в узуальном времени, либо как обобщенного умозаключения, абстрагированного от конкретности, – в гномическом времени.

Существенно при этом, что нет строгой привязанности ступеней конкретности / абстрактности времени к морфологическим формам глагольных времен – настоящего, прошедшего, будущего, как нет этой привязанности (напоминаю вышесказанное) к только глагольному предикату.

Смена, чередование регистров подчиняется определенным правилам в речевых жанрах деловых, газетно-публицистических, научных, но творческой воле авторов в художественных текстах, впрочем тоже более традиционных композиционно в классической литературе и усложняющихся в современной.

Композиционная структура текста, синтаксическое движение его, развитие сюжета и обеспечивается, в основном, комбинацией, чередованием текстовых функций предикатов, открытых В.В. Виноградовым. Пользуясь введенными им названиями этих функций, видоизменяем их добавлением суффикса: **перфектив, аористив, имперфектив**, для отграничения от названий глагольных форм [Золотова и др. 1998: 27].

Но возникает и вопрос: как соотносятся морфологические формы с текстовыми функциями того же названия? Это предстоит выяснять.

3. Для начала рассмотрим в небольшом тексте, какими функциями представлены действия героев крыловской басни.

Однажды Лебедь, Рак да Щука

*Везти с поклажей воз **взялись**.*

*И вместе все в него **впряглись**.*

Взялись везти: *взяться* с инфинитивом служит модификатором предиката, придающим ему модальное (решения, намерения, согласия) или фазисное (начала, приступа к действию) значения. (Любопытно, что ни в Словаре Ожегова, ни в 4-х томном не отмечены). Здесь это – принятое персонажами решение, функция – **перфективная**. *Впряглись* – первое активное действие – **аористив**, с которого начинается развитие сюжета в конкретный момент событийного (прошедшего) времени. Герои действуют, и автор переключает рассказ в настоящее время, приближая происходящее к читателю=зрителю и как бы призывая его в свидетели напряженных усилий, обозначенных **имперфективным** экспрессивно-фразеологическим способом: *Из кожи лезут вон*. Безрезультативность стараний констатируется **перфективно**: *а возу все нет*

ходу! Следующие **имперфективные** предикаты объясняют причину неудачи продолжающихся, но разнонаправленных устремлений: *Лебедь рвется в облака. Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.* Безглагольной **перфективной** фразой: *Да только воз и ныне там,* – подытоживает автор неразумную затею.

4. Анализ даже этого небольшого текста позволяет увидеть ряд неточностей в привычных, морфологически ориентированных, грамматических формулировках. Так, определяя значения и употребления глагольных форм, обычные формулировки говорят о том или ином характере **действий**, не замечая существенных различий в категориальных свойствах глаголов действия и состояния (так же как в свойствах имен личных, предметных и отвлеченно-признаковых).

Категория глагольного времени неизменно привязывается грамматистами к **моменту речи** как к точке отсчета. Между тем в художественном повествовании, из которого обычно извлекаются грамматические иллюстрации, а также в устно-бытовом рассказе точкой отсчета времени служит подвижная, перемещающаяся позиция говорящего по отношению к представляемым событиям.

Что же касается текстовых функций видо-временных форм глагола, то дальнейшее расширение исследуемого материала свидетельствует о том, что закономерности связи между текстовыми функциями и средствами их выражения еще мало изучены. Эти расхождения между традиционной трактовкой намеченных вопросов и возможным современным пониманием их анализированы в «Коммуникативной грамматике» [Золотова и соавт. 1998/2004], но тема перфекта / перфектива требует продолжения.

5. С термином **перфект** связан весь комплекс упомянутых неточностей, нуждающихся в переосмыслении, и это один из поводов или стимулов выделения перфектива из ряда функций как особого объекта.

Какие же функции в композиции, в сюжетном движении текстов свойственны перфективу?

Краткие и динамичные тексты басен Крылова нагляднее обнаруживают закономерности использования перфективных конструкций (характерные, конечно, и для прочих нарративных жанров) в определенных частях композиции.

Как и в рассмотренном тексте, многие басни начинаются с перфективной экспозиции, констатирующей исходное, предваряющее развитие событий положение дел:

*Вороне где-то бог **послал** кусочек сыру...;*
*Петух **нашел** Жемчужное зерно...;*
*У Тришки на локтях кафтан **продрался**...;*
*Овечкам от Волков совсем **жизня не стало**...;*
*Ягненок ... **зашел** к ручью напиться...;*
*Когда-то в случай Слон **попал** у Льва...;*
*... Честные торгоши **Наторговали** денег гору...;*
*Свинья на барский двор когда-то **затесалась**...;*
*У Мельника вода плотину **прососала**...;*
***Случилось** некогда мне **быть** в шумливом мире... и др.*

Менее регулярны, но нередки перфективы в завязке сюжета:

*Вдруг **сырный** дух Лису **остановил**...;*
*Вот близкого его соседа, Мышонка, **запахом пирушки привлекло**...;*
*Вот **вздумалось** Котлу по свету **прокатиться**...;*
*Ему на мысли **вспало**, что **взрезав** Курицу, он в ней **достанет** клад...;*
*Да то лишь **горе**, Что все ворота на **запоре**... и др.*

Перфективные конструкции во многих баснях служат изображению произвольной реакции персонажа, эмоционально-физиологической, на поворот событий:

*Вещунына с похвал вскружилась голова, От радости в зобу дыханье
сперло...;*
В ушах у гостя затрещало И закружилась голова...;
У кумушки глаза и зубы разгорелись...;
Тут кровь во Льве вскипела, заиграла...;
Но, признаюсь, в нас сердце задрожало...;
... в нем сердце вострепетает...;
От стужи малого прошибли слезы... и др.

И, конечно, самое типичное употребление перфективов в финале, в **развязке**, подытоживающей происшедшее дидактическим сообщением о гибели праведного или неправедного героя, об ущербе, утрате или – напротив – прибыли, о тщетности чьих-то достойных либо неразумных усилий:

Сыр выпал, С ним была плутовка такова;
Искусство силу одолело, И бедный Лев погиб;
Она сама к ним в суп попалась;
И в темный лес Ягненка поволок;
И все они со всем добром своим сгорели;
А от Горшка одни остались черепки;
И цену прежнюю Червонец потерял;
И – бух Осел, и с Филином, в овраг;
Всю испортил шкуру!;
А делом ни один бедняжке не помог;
Без кур и без воды пошел в свое подворье;
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал;
А бедный Пруд... Зацвел, зарос осокой И, наконец, совсем иссох;
И только до того добился, что дом его свалился... и др.

6. Теперь попытаемся обозреть языковые способы выражения текстовых перфективных функций.

Разнообразный в лексико-синтаксическом и экспрессивно-стилистическом отношении материал из басен Крылова, а также из других источников показывает, что в выражении текстовой перфективной функции участвует широкий круг семантико-грамматических средств, который нуждается и в установлении границ его и во внутренней дифференциации.

Естественно, грамматической опорой перфективной текстовой функции служат глаголы СВ прошедшего времени. Очевидно, что не всякий глагол способен принять на себя эту службу.

Различаются несколько глагольных групп:

6.1. Глаголы акциональные называют целенаправленное **действие**, совершенное **лицом** (живым существом, а в баснях, сказках, поэзии – и олицетворенным предметом) для определенного результата; из этих глаголов и выведено традиционное определение значения перфекта. Если кто-то *пишет книгу, рубит дрова, моет машину, гладит рубашку, строит школу*, имперфектив в НСВ представляет действие в его протяженности, а перфект в СВ – окончание его длительного плодотворного труда, достижение цели, что означает и границу между временем этого действия и следующей временной ступенью, но, напомним, не «настоящего» (презентного), а текстового времени.

Таких примеров в перфективных фрагментах из Крылова совсем мало: *торгаши Наторговали денег гору. Волк поволок Ягненка* (этот глагол мог бы выступать в аористивной функции в ряду последовательных действий, но в концовке означает гибель жертвы и исчерпанность темы).

В экспозиции *Вороне бог послал кусочек сыру* глагол *послать* мог бы обозначать активное действие, если бы речь шла об акции субъекта, но для экспозиции типичнее

случайное появление объекта, и здесь только констатируется наличие этого сыра в клюве героини, с мягкой затушеванностью вопроса о происхождении куска, поскольку известно, что Крылов устранил мотив кражи сыра Вороной, фигурировавший у некоторых ранних излагателей этого многовекового сюжета.

Перфективный результат активного действия может предстать и в форме краткого страдательного причастия: *Медведь был выбран в надсмотрщики. Слон посажен на воеводство.*

При этом объект действия становится субъектом перфективного состояния (не действия); в оппозиции к отрицательному сообщению (особенно с частицами *еще, пока*) такой причастный предикат приобретает дополнительное фазисное значение этапа реализации:

(1)	(2)	(3)	(4)
Фирма строит казино –	Казино строится –	(еще) не построено	– построено
Портной шьет костюм –	Костюм шьется –	(пока) не сшит	– сшит
Хозяйка варит кашу –	Каша варится –	(еще) не сварена	– сварена
Маляр красит крышу –	Крыша красится –	(еще) не покрашена	– покрашена
Аспирант пишет статью –	Статья пишется –	не написана	– написана

В колонках (1) и (2) сообщается о целенаправленном имперфективном действии личного субъекта, (2) и (3) сближает срединное фазисное положение предметного субъекта между началом и концом процесса, в (4) – конечная фаза, перфективный результат действия [Золотова и соавт. 1998/2004: 132, 328] и др.

Письмо готово, сложено (Пушкин); *Только не сжата полоска одна* (Некрасов); *Все кругом было разрушено, разломано, разбито* (В. Бианки).

Наблюдательными исследователями отмечалось различие форм на *-о* в родовой парадигме (*Каша сварена; Письмо сложено; Костюм сшит*) и в «безличных» предикатах со значением недействия (*Его разморило; За окном рассвело; В доме пусто; Над лесом прогрело*).

Положительный либо отрицательный результат усилий, ожиданий, расчетов может быть выражен разными формами, и глагольными и именными, как появление ожидаемого или исчезновение, как прибыль или убыль, как местонахождение искомого здесь или не здесь, не у себя.

Примеры дают и басни, и пословицы, и другие тексты:

У Огородника возило все и поспело, Он с прибылью Из шляпе дело, А Философ – без огурцов;

Два брата в барышах...; а третий брат клянет Судьбу, что он Фортуной злой оставлен лишь с сумою;

Ворота на запоре;

Пошла Лиса домой не солоно хлебавши (примеры из Крылова).

Долго у моря ждал он ответа. Не дождался (Пушкин).

Ср. фразеологические перфективы: *как сквозь землю провалился, как в воду канул, поминай как звали, пиши пропало, и след простыл, только его и видели; променял кукушку на ястреба, попал как кур во щи, дело в шляпе* и др.

Сами поговорки организованы неакциональными глаголами, но в контексте речи оценивают результат, чаще отрицательный, активных действий – поисков, преследования, попыток догнать и под.

Мы перемены в нем дождались. Но пользы нет и нет пока. Переменили ямщика – А клячи прежние остались (Д. Минаев);

Ты понимаешь, все у меня в жизни как взорвалось – семья разрушена, жена погибла, сын у чужих людей (П. Павленко);

Одни говорили, что ключи у Григория, другие – что они у приказчика (Чехов).

Предназначенность к выполнению определенных текстовых функций заложена и во многих агентивных существительных, образованных от акциональных глаголов. В «Коммуникативной грамматике» рассматривается пример из Пушкина: *Узнай, Руслан: твой оскорбитель Волибник страшный Черномор, Красавиц давний похититель, Полнощных обладатель гор* [Золотова и соавт. 1998: 412; со ссылкой на Т.В. Булыгину и А. Вежицкую]. Личные субстантивы сохраняют здесь коммуникативно-текстовые функции породивших их глаголов: *оскорбитель* – перфективную (*тот, кто оскорбил*), *похититель* – перфективно-итеративную (*тот, кто похищал неоднократно*), *обладатель* – имперфективно-описательную (*тот, кто обладает*). Ср. еще: – *Ты, царевич, мой спаситель, Мой могучий избавитель* (Пушкин) – оба личных субстантива образованы от перфективных глаголов. Подобным образом отглагольные имена *заступник, вестник, перебежчик, победитель, орденосец, свидетель*, так же как ряд имен с отрицательно-оценочной коннотацией *обманщик, фальсификатор, доносчик, прогульщик, нарушитель* и др., обусловленные ретроспективным взглядом на совершенное, функционируют как перфективы (с дополнительным оттенком итеративности при свершении неоднократном). А именам, называющим профессию, род занятий, образ жизни (*летчик, водитель, собиратель, спасатель, кочевник, исследователь, путешественник* и под.), естественно, свойственна функция имперфективная.

6.2. Другую группу глаголов или глагольных выражений, функционирующих перфективно, составляют именованья не действий, но **состояний**, психических или физических, произвольно возникающих в человеке как реакция на случившееся, на неожиданный поворот событий. Персонаж сам ощущает происходящее с ним или в нем, либо признаки его состояния наблюдаются партнером по сюжету или рассказчиком. Сами признаки обозначаются нередко речевыми клише, от книжной до просторечной стилиевой окраски (*вскружилась голова, глаза разгорелись, сердце задрожало; меня взорвало, взбесило, покорило; Меня всего передернуло* (Достоевский); *Вдруг топот! Кровь ее застыла* (Пушкин); *Едва злодей узнал Руслана, В нем кровь остыла, взор погас, В устах открытых замер глас, И пал без чувств он на колена* (Пушкин); *У старика от гнева и горя подогнулись колени* (Чехов); *Но, увидев меня, она вдруг замолчала и вспыхнула густым румянцем* (Куприн); *У нее ноги отнялись от радости* (Бунин); *Ух, как я испугалась, даже заревела от страха* (Арбузов); *Дрожь прошла по спине финдиректора* (Булгаков).

Очевидно, что глаголы-предикаты этой группы, вопреки традиционным формулировкам, не называют **действий**, так же как имена в позиции подлежащего, будь то персонаж, или часть его организма, или само состояние, не являются **агенсами**.

Переход личного субъекта в неконтролируемое, часто неожиданное состояние обозначает и ряд глаголов, словообразовательно соотносимых с адъективными или именными основами: *отяжелеть, отупеть, отрезветь, ошалеть, охладеть, взбодриться, промокнуть, простыть, опечалиться, оторопеть, озлиться, взъяриться, вспыхнуть, покраснеть, замереть, нахмуриться, ослабеть, обессилеть, обеднеть, осиротеть*.

Что ты тих, как день ненастный? Опечалился чему? (Пушкин);

В последнем бешеном пожатье Рука на гриве замерла (Лермонтов);

Он вспотел, красен и сумрачен (Чехов).

Именам состояния, которые могут быть и имперфективны, придают перфективность вспомогательные, с фазисным значением глаголы (*упала в обморок; пришел, впал в отчаяние, в ярость; ее охватила тревога, охватил страх* и под.).

Фазисные же глаголы, разделяющие течение времени, событий, явлений на отрезки, фиксируют их завершенность, исчерпанность, переход в новое состояние: *Осень наступила. Дождь прекратился. Война кончилась. Гром отгремел. Пришла весна. Прошли каникулы*.

Имеется немало имен существительных, лексическим значением которых определяется их перфективная функция, это имена явления, факта, события, получающих в речи говорящих ретроспективную квалификацию, оценку: *исход, ошибка, просчет, выбор, перевес, победа, нарушение, проступок, утечка, обрушение, разлад, развал* и т.п.

Изменения, происходящие в неодушевленных предметах, обозначаются перфективами другой подгруппы глаголов состояния (*Забор обветшал; Пуговица оторвалась; Улица обезлюдела; Деревья зазеленели; Ступени обледенели; Свеча догорела*) и прочими средствами:

В глуши расцветший Василек Вдруг захирел, завял почти до половины;

*А если корень **иссушится**, – Не станет дерева, ни вас;*

*У Тришки на локтях кафтан **продрался** (Крылов);*

*Колокольчик вдруг **замолк** (Пушкин);*

*Березки, которые при нем только что **были посажены** около забора, **выросли и стали** теперь высокими **ветвистыми деревьями** (Пушкин)¹;*

*Земля **растрескалась**, от зноя **выцвело** небо... **погорели** луга, **потускнели, стали свертываться** листья на деревьях (А. Н. Толстой);*

Блиндажи той войны все травой заросли... (Окуджава);

*Звездам навстречу травы **Вытянулись** несмело. Ночь глубиной курчавой Вкрадчиво **прошумела** (Н. Матвеева).*

Своя лексика у сообщений о явлениях природы, переменах в состоянии атмосферы, среды: *стемнело, рассвело, залило луга, замело дорогу, унесло ветром, громыхнуло, сверкнуло, подморозило* и под.

Подобные глаголы являются безличными по причине отсутствия личной парадигмы (1-ого и 2-ого лица).

Предложения, организуемые ими, тоже называют безличными и односоставными, противопоставляя личным и двусоставным, где то же явление представлено именем в именительном падеже:

Громыхнуло – Гром громыхнул

Сверкнуло – Молния сверкнула

Залило луга – Вода залила луга...

Очевидно, что – информативно – «двусоставное» равно «односоставному» и, по сути дела, избыточно, поскольку значение имени дублирует значение глагола, но оставляет говорящему право выбора одного из вариантов. Ср.:

*– **Страсть** какой **гром**, Терентий!..*

*– **Страсть** как **гремит!** – повторил мальчик (Чехов).*

«Личными» подобные предложения не могут стать, поскольку речь в них не идет ни о лице, ни о признаке лица. Признаки эти (названы ли они одним глаголом или с его «дублером») принадлежат среде, характеризуют состояние среды, локализуются говорящим-наблюдателем (если не локализуются, значит, произошло «здесь» и «сейчас»).

См. примеры:

***Стало** на небе **темнеть**, **Воздух начал холодеть** (П. Ершов);*

*Но задних волн упорный гнев **Прошиб** снега...**ты затопил, освирепев**, Свои брега (Пушкин);*

*Так и **вздулись** сердитые волны. Так и ходят, так воем и воют (Пушкин);*

¹ Л. Лённгрен еще в 1973 г. ставил вопрос о различии в значениях современного перфекта и плюсквамперфекта, которые А.В. Бондарко в ряде работ определял как оттенки употребления прошедшего Думая, что плюсквамперфект для современного языка – чисто текстовое, таксисное понятие в буквальном смысле термина – преждепрошедшее время одного предиката относительно последующего, независимо от их композиционно-текстовых функций. Наблюдение А.В. Бондарко об одновременности перфективных форм СВ в однородном ряду (*постарел, располнел, обрюзг*) справедливо с точки зрения противопоставленности перфективных значений последовательным аористивным, но нуждается в уточнении: речь идет не о перфективных изменениях в процессе (субъект мог сначала располнеть, а потом обрюзгнуть), это время наблюдателя, в котором он совокупно констатирует эти изменения.

Грозой разбило дерево (Некрасов);
Вдали проворчал гром... Рванул ветер по крыше (Чехов);
Крупный, гонимый ветром дождь злобно застучал по стеклам и по бумаге окна (Чехов);
Еще не совсем стемнел за окнами в белых шторах долгий весенний вечер (Бунин);
А на улице вьюга Все смешала в одно (Б. Пастернак);
Замело тебя снегом, Россия, Запуржило седую пургой (Ф. Чернов);
Ср.: *Стемнело за окнами; Волнами прошибло снега, затопило берега...; Гроза разбила дерево.*

Варианты *Грозой* – *Гроза*, *Волнами* – *Волны*, *Пургой* – *Пурга* и под. представляют маркированный и немаркированный способы выражения инволютивного каузатора, вызывающего изменения в природе, в среде.

6.3. Надо полагать, что центр **категории перфективности** составляет семантическая группа глаголов, не обозначающих ни действия, ни процесса. Их называют еще **акцидентными, интерпретативными** (хотя представления о признаках и объеме последнего понятия разнятся). Эти глаголы (среди них и переходные и непереходные) обозначают не действие, совершенное субъектом, а **инволютивную ситуацию** – случившееся, происшедшее с ним независимо от его воли и постфактумно осознанное, поименованное им самим или наблюдателем, рассказчиком: *ошибся, обознался, заблудился, столкнулся, поскользнулся, упал, сломал ногу, попал в больницу, уронил стакан, порезался, обжегся, провалился, опоздал на поезд, потерял кошелек, забыл очки, сорвался* и др.

Подобные происшествия не соотносимы не только с понятием **действия**, но и с понятием **результата**, поскольку никак не связаны со стремлением к достижению намеченной цели.

Хотя, конечно, с точки зрения аналитического рассмотрения, они могут быть включены в объяснительную цепочку причинно-следственных связей.

Можно связать глаголы инволютивной ситуации с понятием *отрицательного результата*, поскольку случившееся, в контексте жизненных устремлений прерывает, задерживает или прекращает ожидаемое развитие событий.

– *Ты что, Борис, опоздал сегодня: четверть шестого!* – упрекнула она Райского (Гончаров);

Василий Андреич хотел вскочить на лошадь, но шубы и сапоги были так тяжелы, что он сорвался... сани покачнулись под его тяжестью, и он опять оборвался (Л. Толстой);

Идя по коридору, он споткнулся и упал вместе с подносом (Чехов);

Роцин ухватился за куст, полез наверх. Сорвался, скрипнул зубами, полез опять (А.Н. Толстой);

– *Я опознался. Мне нужно было не вас, а другого.* (Горький);

Акимов подумал даже, что он ошибся в этом старике (Казакевич).

Народные пословицы нередко сопоставляют иронически имперфективные занятия или состояния со сводящими их на нет перфективным финалом:

Было и плыто, да не добыто;

Ни то, ни се клевало, да и то сорвалось;

Держалась кобыла за оглобли, да упала;

Метил в цель, а попал в пень;

Оттопком щи хлебал, да в воеводы попал и др.

6.4. Есть группа глаголов близких по значению рассматриваемым инволютивным перфективам и выразительно описанных в статье А.А. Зализняк и И.Б. Левонтиной [Russian Linguistics 20, 1996].

Тему их можно определить как «Человек в противостоянии обстоятельствам», но следовало бы отметить их модально-оценочную неполнозначительность (почти все они функционируют в сочетании с инфинитивом как модификаторы названного им действия-предиката). Дограмматическое ощущение этого авторами выражается в таких характеристиках, как, например, «Старание это... некое состояние, как бы заменяющее собой действие» (с.243)

Инволютивность одних из них (*мне привелось где-то побывать, пришлось, случилось, посчастливилось, довелось, привелось что-то узнать; у меня вышло, получилось что-то сделать*) подкрепляется и косвенным падежом субъекта, другие, напротив, предполагающие личные усилия, сочетаются с именем субъекта в именительном падеже: *Я постараюсь; Он попытался, попробовал что-то сделать.*

При иронически-оценочном *угораздило*, а также *приспичило, вздумалось, дернуло, понесло* субъект принимает форму винительного: *угораздило меня, тебя, его так поступить*, при этом оценка может принадлежать и субъекту действия и собеседнику.

Перфективы *умудрился, исхитрился что-то сделать* содержат оценку, возможно и положительную и отрицательную, как самим субъектом, так и со стороны:

Однажды, случилось мне целый месяц не брать в руки пистолета (Пушкин);

Нам, Алексей Степанович, с вами Не удалось сказать двух слов (Грибоедов);

Мне вздумалось сорвать этот репей (Л. Толстой);

Вам случалось тонуть, лейтенант? – Никогда (И. Бродский);

И удалось подкараулить, заснять на пленку момент... (В. Песков);

Проводится работа со спонсорами и, возможно, удастся что-то получить от них (газ. 2002).

7. Проблемы перфектива трудно изложить в небольшой статье, как невозможно здесь упомянуть многочисленных филологов из разных стран, чье внимание привлекали трудности и нераскрытые тайны функционирования этой категории и чьи наблюдения неизбежно подталкивали коллег к обсуждению поднятых и неподнятых вопросов.

Надеюсь, удалось показать, что обоснованное В.В. Виноградовым понимание роли глагольных форм в организации текстовой структуры открывает перспективные возможности анализа.

Следующие предварительные выводы могут быть предложены для дальнейших дискуссий:

1) Перфектив является структурно значимой текстовой категорией. Он довольно регулярно выступает в оформлении экспозиционных фрагментов, завязки и особенно развязки, в небольших текстах – кульминации, а в пространственных – в подготовке или разрешении очередного напряженного, поворотного эпизода.

2) Разные способы оформления перфектива, глагольные и неглагольные, в разных текстовых позициях объединяет то, что перфективный признак, преимущественно произвольный, инволютивный, не занимает протяженного времени в движении сюжета: по отношению к последовательно сменяющимся аористивным действиям, параллельно им простирающимся имперфективным действиям и состояниям, перфектив – это вертикальная черта, пересекающая горизонтальную линию (линии) сюжетной динамики, это пограничный столб, знак изменившейся ситуации, либо вызывающей дальнейший ход событий, либо исчерпавшей их.

3) Взгляд от текста позволяет оценить важность взаимодействия сущностных признаков языкового явления – значения, функции и формы – в его коммуникативном и художественно-эстетическом служении говорящему человеку.

4) В системе семантико-функциональных категорий (несомненно, не лишенных оформленности, но поднимающихся в этом отношении над традиционными морфологическими делениями) оказываются соположенными и частично

совмещающимися категории перфективности и инволютивности. Уточнить их характер, соотносительность и границы – задача дальнейших исследований.

Литература

- [Виноградов 1936] В.В. Виноградов. Стиль “Пиковой Дамы” // Временник Пушкинской комиссии, 2. М.-Л., 1936.
- [Виноградов 1947] В.В. Виноградов. Русский язык грамматическое учение о слове. М., 1947, 1986.
- [Виноградов 1950] В.В. Виноградов. О категории модальности и модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка АН СССР в 2 т. М., 1950.
- [Зализняк, Левонтина 1996] Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина. Отражение национального характера в лексике русского языка // Russian Linguistics. 20. 1996.
- [Золотова 1982] Г.А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982, 2001.
- [Золотова и соавт. 1998] Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998, 2004.
- [Лённгрен 1973] Л. Лённгрен. О противопоставлении аористического и перфектного значений у русского глагола // Scando-Slavica XIX. Copenhagen, 1973.